

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев

Аннотация: В статье оценивается динамика современных этносоциальных процессов в Сибири, а также эффективность проводимой национальной политики. С позиций социокультурного подхода рассматриваются этнодемографические, этноязыковые, этнополитические процессы, перспективы национального развития отдельных коренных народов.

Выполнено по проекту Российского гуманитарного научного фонда № 13-03-00417 «Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири».

Ключевые слова: Сибирь, этносоциальные процессы, национальная политика, коренной народ, этнокультурный мир.

В настоящее время этносоциальные процессы принято рассматривать в перспективе возникновения очагов напряжения в сфере межнациональных (межэтнических) отношений и межнациональных конфликтов. Официальная оценка современного состояния межнациональных отношений в Сибири была дана на состоявшемся 15 апреля 2014 г. в Улан-Удэ семинаре-совещании по реализации в Сибирском федеральном округе Стратегии государственной национальной политики РФ.

На данном мероприятии Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе В. А. Толо-

Попков Юрий Владимирович - доктор философских наук, профессор, заместитель директора по науке, заведующий сектором этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск; член редсовета журнала.

Тюгашев Евгений Александрович - кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Новосибирского государственного университета.

конский заявил, что в Сибири нет очевидных очагов напряжения в сфере межнациональных отношений, но задачи регулирования процессов в данной сфере и решения ряда актуальных и системных проблем в деле предупреждения возможных конфликтов на национальной почве являются актуальными, требующими более точных действий со стороны органов государственной власти (Задачи органов власти ... , 2014: Электронный ресурс).

Из выступления Полномочного представителя следует, что в Сибири:

- возможно, имеются неочевидные, латентные очаги межэтнической напряженности;
- существует ряд системных национальных вопросов, сохраняющих свою актуальность;
- в сфере предупреждения межнациональных конфликтов органы государственной власти действуют недостаточно точно.

Кроме того, на этом же семинаре-совещании заместитель руководителя администрации Президента Российской Федерации М. М. Магомедов подчеркнул, что хотя в Сибирском федеральном округе вероятность возникновения межнациональных конфликтов в целом ниже, чем в среднем по России, но, тем не менее, она существует, а в отдельных субъектах Федерации является относительно высокой. Об этом свидетельствуют конкретные исследования. Так, о возможности конфликтов в Республике Тыва говорят 35,8% опрошенных, в Красноярском крае — 28,8% (среднероссийский показатель — 23,2%) (Балганова, 2014: Электр. ресурс). С учетом действия отмеченной М. М. Магомедовым общероссийской тенденции к повышению уровня межнациональной напряженности можно предполагать, что вероятность межнациональных конфликтов в Сибири будет возрастать.

Таким образом, состояние межнациональных отношений в Сибири вызывает определенное и обоснованное беспокойство. Поэтому представляет интерес анализ динамики этносоциальных процессов в регионе, а также оценка эффективности проводимой национальной политики.

Исследователи обычно характеризуют этносоциальные процессы как протекающие в определенных сферах общественной жизни конкретных народов (этносов) и как локализованные в рамках регионов. Говоря об этносоциальных процессах в Сибири, мы также рассмотрим их в различных аспектах — демографическом, языковом, политическом, культурном

и т.п., а также идентифицируем их локальную специфику. При этом обратим внимание на тенденции, которые проявили себя в конце XX — начале XXI в. в условиях интенсивной глобализации.

Известно, что существенное влияние на этническую структуру Сибири имело ее присоединение к России. Появление здесь центров уездов, многочисленных крепостей (острогов), ясачных зимовий, других населенных пунктов привело к тому, что уже в конце XVII в. русское население Сибири по численности преобладало над коренным (История Сибири, 1965: 56). Эта тенденция сохранилась вплоть до настоящего времени. Так, согласно официальным данным, в начале XX века доля русских в Сибири составляла 75% населения, в 1989 — 84%, в 2002 г. — 84%, в 2010 г. — 84%. В целом по данному региону доля русского населения за последние десятилетия осталась неизменной, что позволяет говорить о стабильности русского массива.

В то же время в отдельных регионах Сибири доля русских в общей численности населения изменялась (см. табл. 1).

Таблица 1. Доля русских в составе населения отдельных регионов Сибири, в %
(в 2002 г. и 2010 г. — от указавших национальность).

Субъекты федерации	Годы			
	1979	1989	2002	2010
Алтайский край	89,6	***	92,0	93,9
Омская область	80,3	80,3	83,6	85,8
Республика Алтай	63,2	***	57,4	56,6
Республика Бурятия	72,0	69,9	67,8	66,1
Республика Тыва	***	32,0	20,1	16,3
Республика Саха (Якутия)	50,4	50,3	41,1	37,8
Республика Хакасия	79,4	***	80,3	81,7
Ханты-Мансийский автономный округ	74,3	***	66,7	68,1
Чукотский автономный округ	68,9	66,1	53,1	52,5
Ямало-Ненецкий автономный округ	59,0	59,2	59,7	61,7

В республиках Алтай, Бурятия, Тыва, Саха (Якутия) и в Чукотском автономном округе доля русского населения с 1970-х гг. устойчиво снижалась. В остальных регионах она повышалась. Тем самым наблюдается процесс территориального сжатия русского населения, что обусловлено, главным образом, миграционными процессами и депопуляцией.

Территориальному сжатию русского массива сопутствует увеличение численности многих коренных народов Сибири, о чем свидетельствуют

данные табл. 2. В то же время для некоторых народов характерно сокращение численности. Это касается хакасов и ряда малочисленных народов Сибири — ительменов, камчадалов, кереков, нанайцев, нганасанов, удэгейцев, чуванцев, энцев и др.

Таблица 2. Численность коренных народов Сибири (в границах РСФСР и Российской Федерации), тыс. чел.

Для большинства представителей коренных народов Сибири характерно компактное расселение, т. е. они проживают в основном в пределах своих

Народы	Годы		
	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Якуты	380,2	443,8	478,1
Буряты	417,4	445,3	461,4
Тувинцы	206,2	243,4	263,9
Хакасы	78,5	75,6	72,9
Ненцы	34,2	41,3	44,6
Эвенки	29,9	35,5	38,4
Ханты	22,3	28,7	30,9
Эвены	17,1	19,1	21,8
Чукчи	15,1	15,8	15,9
Манси	8,3	11,4	12,3

национально-территориальных образований. Так, 93,4% якутов проживает в Якутии, 94,4% тувинцев — в Туве. На этом фоне выделяются буряты. В Республике Бурятия проживает всего 62,1% бурят России. Но следует учесть, что значительная часть бурят находится в местах традиционного расселения в Иркутской области и Забайкальском крае. С учетом данной категории доля бурят, проживающих на исторической родине составляет 96,6%. Тенденция к территориальной концентрации этнических общностей, по мнению А. В. Сидоренко, является в России долговременной (Сидоренко, 2009: Электр. ресурс). Как представляется, компактность расселения крупных коренных народов облегчает возможности этнической мобилизации и является важным политическим фактором.

В целом увеличение численности коренных народов в масштабах Сибири не так заметно. Если численность русского населения регионов Сибири составила в 2010 г. около 25,1 млн чел., то численность представителей коренных народов Сибири в совокупности составила 2,2 млн чел. Но в отдельных национальных республиках доля титульных народов в последние десятилетия увеличилась значительно (см. табл. 3).

Таблица 3. Доля представителей титульных народов в составе на-селения национальных республик и округов Сибири, в % (в 2002 г. и 2010 г. — от указавших национальность)

Субъект федерации / год	1979	1989	2002	2010
Республика Алтай	29,2	***	30,6	33,9
Республика Бурятия	23,0	24,0	27,8	30,0
Республика Тыва	***	64,3	77,0	82,0
Республика Хакасия	11,5	***	12,0	12,1
Чукотский автономный округ	8,1	7,3	24,0	26,7
Республика Саха (Якутия)	36,9	33,4	45,5	49,9

Устойчивый рост демографического потенциала крупных коренных народов Сибири генерирует позитивное эмоционально-психологическое поле, оценивается как предвестие грядущих успехов и стимулирует накопление этносимволического капитала.

Так, например, столицы национальных республик, изначально будучи типично русскими городами, наращивают долю титульного населения и приобретают национальный колорит. При этом важно подчеркнуть, что манифестация образа столицы, как правило, поливариантна, и наряду с национальным образом она может позиционироваться, как например Улан-Удэ, в соотношении с Байкалом или Центрально-Азиатским культурным миром в целом.

Наряду с территориальной концентрацией и этнической консолидацией крупных коренных народов идут процессы национального самоопределения, этнической фрагментации и корректировки этнической идентичности. Из состава алтайцев — полиэтничного конгломерата, объединявшего родоплеменные группы тубаларов, челканцев, кумандинцев и алтай-кижи, теленгитов, телесцев и телеутов, — уже выделились в качестве самостоятельных этносов кумандинцы, теленгиты, телеуты, тубалары и челканцы, что официально зафиксировано на уровне постановления Правительства РФ.

По мнению Л. И. Шерстовой, многие существующие ныне этнонимы были «изобретены» в процессе национального строительства в 1920-е гг., когда названия отдельных родов тюркского населения были интерпретированы как этнонимы и отнесены к более широким этнографическим группам. Как следствие, сегодня не только алтайцы и хакасы, но и шорцы,

челканцы, кумандинцы имеют «проблематичную» этническую идентичность. «Южная Сибирь “больна” новыми идентичностями, — заключает Л. И. Шерстова, — и потому восприимчива к любым, даже нелепым с рациональной точки зрения, конструктам, и какими они станут — во многом зависит от продуманности политики властных структур различного уровня» (Шерстова, 2005: 235). Таким образом, можно говорить о том, что южносибирский тюркоязычный массив имеет потенциал этнического дробления и перспективу этнической реинтеграции.

По-видимому, для описания поступательно-возвратных процессов в государственной этнонациональной политике наряду с категорией национального (этнического) строительства целесообразно использовать категорию национальной (этнической) деконструкции, подразумевающей демонтаж и «перестройку» национальных (этнических) общностей в процессах их стихийной или регулируемой реорганизации.

Анализируя разделение в результате национального строительства в Сибири тунгусоязычного массива населения на эвенков и эвенов, А.А.Сирина обращает внимание на то, что данное разделение весьма условно. Кроме того, она напоминает, что к эвенкам были отнесены хамниганы, орочены, манегры, а к эвенам — ламуты и орочи. Поскольку последние переписи зафиксировали тунгусов и ламутов, то А. А. Сирина считает возможными мобилизацию этничности и выделение сохранившихся этнографических групп в особые тунгусские народы (Сирина, 2011: 21).

Этническое дробление является также следствием незавершенной этнической ассимиляции. Так, с переписи 2002 г. сойоты официально выделяются как отдельный народ. Ранее эта группа саянских самодийцев подвергалась тюркизации и бурятизации, утратила родной язык и включалась в состав бурят. Но сойоты не утратили потенциал этносоциальной самоорганизации. В 1990-е гг. они создали этнокультурные центры и фонды, добились образования Окинского сойотского национального района. С 2002 г. по 2010 г. численность сойотов увеличилась с 2739 до 3579 человек.

Потенциал этнической фрагментации в Сибири не исчерпан. Ряд коренных народов включает сильно различающиеся диалектные группы. По мнению И. В. Октябрьской, лингвистические отличия имеют определяющее значение для представителей субэтнотосов, претендующих на автономию (Октябрьская, 1997: 50). С учетом этого фактора, при наличии значимых лингвистических различий могут выделяться новые малочисленные народы.

В процессах суверенизации коренных народов Сибири большое значение придавалось родным языкам. Так, статья 13 Конституции Республики Алтай провозглашает, что алтайский язык является основой национального самосознания алтайского народа. В конце XX — начале XXI в. в Сибири были приняты региональные законы о языках, концепции языковой политики, создавались национальные школы с преподаванием на языках коренных народов и т.п.

Однако сравнение данных переписей 2002 г. и 2010 г. показывает, что, несмотря на предпринимаемые усилия, уровень владения языками коренных народов снижается. За указанный период доля владеющих родным языком снизилась среди якутов России с 93,2% до 84,9%, среди бурят России — с 79,3% до 43,2%. В Республике Тыва доля тувинцев, владеющих родным языком, снизилась с 98,5 до 97,3%, в Республике Хакасия соответствующая доля хакасов снизилась с 71,1% до 61,1%, среди ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа — с 85,6% до 55,0%, среди хантов Ханты-Мансийского автономного округа — с 34,5% до 17,4%, среди манси того же округа — с 20,3% до 6,2%, среди чукчей Чукотского автономного округа — с 44,4% до 28,9%.

Согласно данным конкретных исследований, уровень владения родным языком ниже у городского населения, молодежи, у более состоятельных и образованных групп населения. Отмечается снижение использования родных языков в бытовой сфере, стремление к образованию на русском языке и предпочтительное использование русского языка в деловой сфере. Примечателен тот факт, что русский язык является рабочим языком мероприятий, посвященных сохранению и развитию родных языков коренных народов Сибири.

Наиболее значимыми социальными факторами, обусловившими действие тенденции к снижению уровня владения коренными народами Сибири родными языками, являются:

- русскоязычная коммуникативная среда;
- сохранение высокого престижа русского языка;
- урбанизация, модернизация и глобализация, стимулирующие использование русского языка;
- недостаточная разработанность или отсутствие литературных национальных языков;
- сформированность литературных национальных языков на базе

одного из диалектов, этносоциальная база которого у ряда народов оказалась размытой, вследствие чего другие этнические группы вынуждены изучать национальный язык как иностранный;

– сужение сферы действия традиционного образа жизни, особенности которого требовали использования коммуникативных ресурсов родного языка.

Общей социолингвистической закономерностью является то, что родной язык, уступая социальные функции языку большинства населения, употребляется в основном в быту, а затем утрачивается. Так, в настоящее время тофалары и сойоты почти не говорят на своем родном языке. Попытка возродить родной язык, предпринятая тофаларами в начале 1990-х гг., пока положительных результатов не дала (Монгуш, 2012: Электр. ресурс). В то же время это не привело к утрате этнической идентичности.

В связи с отмеченной тенденцией, по-видимому, не следует рассматривать использование родного языка как неизбежное условие сохранения народа и рассчитывать на его распространение путем проведения более активной языковой политики. Язык, как и религия, может использоваться различными народами, и это не препятствует их этносоциальной самоорганизации.

Демографический рост многих коренных народов Сибири, прежде всего относительно многочисленных, стал предпосылкой укрепления национальной государственности. В результате «парада суверенитетов» на территории Сибири возникли республики Алтай, Саха (Якутия), Хакасия, Бурятия, Тыва. Эти республики имеют конституционно-правовой статус суверенных государств.

Этничность коренного народа маркирует республику, язык коренного народа закрепляется конституцией в статусе государственного языка, а некоторые политические институты получают традиционные наименования. Так, в Республике Алтай верховным органом власти является Эл Курултай (Государственное Собрание), а районы называются аймаками. Соответственно, в Республике Саха (Якутия) — Ил Тумэн (Государственное Собрание), а районы — улусы. В Бурятии парламент называется Народный Хурал, а в Тыве — Верховный Хурал.

Исследователи отмечают наличие в национальных республиках Сибири, также как и в аналогичных образованиях других регионов России, тенденции к этнократии. Так, согласно расчетам А. В. Сидоренко, соотношение доли титульного этноса в населении региона и в составе прави-

тельства составляет соответственно: в Бурятии — 28% и 50%, в Саха (Якутия) — 46% и 50%, в Туве — 77% и 79%, в Хакасии — 12% и 30% (Сидоренко, 2010: 101). В связи с этим возникает вопрос, можно ли считать адекватной оценку К. Б. Митуповым соотношения русских и бурят в органах государственной власти и самоуправления (50 на 50%) как этнически сбалансированную (Митупов, 2003: 147).

Важными изменениями в республиках Сибири является возрождение в последнее время традиционных институтов власти и управления. Иницируется родовое движение. Так, в Республике Хакасия был образован Совет старейшин хакасского народа, проведены съезды родов во всех районах республики, а также съезды хакасского народа. Съезды родов (сеоков) также проводятся в Республике Алтай. На этих съездах избираются главы родов — зайсаны. Институт зайсаната стал играть определенную политическую роль. Зайсаны выбираются главами органов местного самоуправления, проводят судебные процессы.

Тенденцию возрождения архаических (традиционных) потестарных институтов коренных народов можно интерпретировать как проявление архаизации общественной жизни (Ламажаа, 2009, 2010, 2011). В то же время нельзя не отметить, что подобной архаизации, безусловно имеющей место, сопутствует модернизация традиционных институтов. В связи с этим можно было бы говорить о неотрадиционализме (Мадюкова, Попков, 2011; Попков, Тюгашев, 2012, 2013). Но, как справедливо замечает Ч. К. Ламажаа архаизация общества имеет значимые отличия от неотрадиционализма, который также обращается к прошлому, но, в сравнении с архаизацией, — к относительно недавнему (Ламажаа, 2011: 17). Кроме того, неотрадиционализм характеризует сознательно организованный процесс возрождения социокультурного опыта прошлого, тогда как архаизация — процесс по преимуществу объективный, не всегда осознанный.

К этому замечанию можно добавить и то, что в неотрадиционализме противопоставляется первичная, подлинная традиция, с одной стороны, и канонизированная, ортодоксальная традиция — с другой. В рассматриваемых случаях «возрождения» потестарных и иных институтов действующая канонизированная традиция отсутствует. Но в то же время присутствует момент сознательной реконструкции прошлого.

По-видимому, следует говорить об архаизации с элементами обновления, направленными в будущее. На наш взгляд, это явление можно определить как этнокультурный археоавангард. Ф. Гиренок определяет археоавангард как момент, когда «прошлое, продавливая настоящее, ока-

зывается в будущем» (Гиренок, 2008: 134). Авангардный характер процессов архаизации заключается в том, что возвращение к первоначалу (архе) есть актуализация начала в его полноте, т. е. в тех потенциях развития, которые содержатся в нем, но не были прежде реализованы из-за отсутствия достаточных условий. Модернизация создает такие условия, что позволяет провести ревизию архаической культуры в поисках жизнеспособных и перспективных ее элементов.

Укрепление национальной государственности и возрождение традиционных потестарных институтов — сопутствующие и в определенной мере конкурирующие процессы. Первый выражает политический путь развития национализма, второй — путь культурного развития. Говоря об их соотношении применительно к Республике Саха (Якутии), У. А. Винокурова отмечает, что в ее развитии был выбран путь культурной самоидентификации (Винокурова, 2006: 122). Но, как представляется, стремление к завоеванию политических позиций для многих коренных народов Сибири является пока ведущим.

На пути культурной самоидентификации коренных народов Сибири возникают определенные проблемы. В силу того, что эти народы являются многокомпонентными по своему происхождению и консолидировались уже в составе русскоязычного массива, возникают как проблема выбора архетипической этнокультуры, так и проблема выбора символов и маркеров этнокультурной идентичности

Д. Д. Нимаев полагает, что для бурятского этноса сегодня есть два пути развития, которые не являются взаимоисключающими. Первый — дальнейшая интернационализация по преимуществу в рамках России, с вытеснением из активного обихода родного языка, но с сохранением этнического самосознания. Второй — «центральноазиатский», с культурной ориентацией на монгольский и буддийский миры (Нимаев, 2007: 159). Первый путь в настоящее время является ведущим. Второй также имеет определенное значение, что проявляется в подчеркивании значимости центральноазиатского эпоса о Гэсэре, этнической самоидентификации в качестве бурят-монголов, попытках возрождения старомонгольского языка, поддержке буддизма в противовес шаманизму и др.

В таком контексте представляется затруднительным говорить о национально-культурном возрождении коренных народов Сибири в точном смысле термина «нация», который еще у древних римлян обозначал народ как транспоколенное единство, включающее предков и потомков. Исторически недавняя этническая консолидация не позволяет многим

коренным народам Сибири зафиксировать свое культурно-генетическое единство и осознавать себя нациями. Действительностью является многокомпонентный состав коренных народов как историческое наследие межэтнических союзов.

Примечательно, что в конституциях республик Сибири национальная идентичность суверена не акцентируется. В качестве носителя суверенитета указывается многонациональный народ этих республик или многонациональный народ Российской Федерации, представленный в данной республике, на что специально обращают внимание исследователи (Санжиев, Будажапов, 2003: 209).

Подобное представление о субъектности республик Сибири демонстрирует, на наш взгляд, действие тенденции к локализации этносоциальных процессов. Их регионализация и территориализация ведет к определенной степени автономизации и обособлению. Региональные этносоциальные процессы становятся в определенной степени самостоятельными, а население преимущественно воспроизводится на данной территории. Возникающая вследствие этого общность интересов в вопросах демографического воспроизводства, жизнеобеспечения и социализации конституирует определенную историческую общность и целостность, что позволяет говорить о многонациональном по своему составу народе данной республики.

Переходность и незавершенность локализации этносоциальных процессов выражена, например, в положении Конституции Республики Хакасия о том, что субъектом власти является многонациональный народ Российской Федерации, проживающий в данной республике. Интегрированность местного населения в народ России воспринимается настолько сильной, что не позволила говорить о существовании многонационального народа Республики Хакасия.

Таким образом, этносоциальные процессы в Сибири представлены как в значительной мере локализованные в регионах, отдельно и относительно независимо протекающие процессы, консолидирующие этнотерриториальные общности и в то же время региональные межэтнические сообщества. Поэтому вполне обоснованно конституции республик Сибири содержат положения, фиксирующие многообразие народов, проживающих на их территории. Так, упоминаются алтайский народ, бурятская нация, коренные малочисленные народы.

На наш взгляд, представление о народе республики совместимо с

представлением о множестве, обитающих в ней народов. Региональная обособленность этносоциальных процессов, возникающая вследствие специфического комплексирования народов, предполагает выделения точки кристаллизации народа республики, и таковым обычно выступает наиболее многочисленный коренной народ. В силу коренного происхождения он территориально менее мобилен и потому является корневым народом, т. е. наиболее устойчивым для данной республики.

Другие народы республики адаптируются не только к местным ландшафтам, но и к местной этносоциальной среде, прежде всего, к коренному народу. Происходит своеобразный этносоциальный отбор, в результате действия которого из мигрантов закрепляются только те лица, которым сравнительно комфортно в местном межэтническом сообществе.

Кроме того, наряду с взаимной адаптацией неизбежно идут процессы взаимной ассимиляции. Так, наряду с обрусением шли процессы «обурячивания», «окиргизивания» и «объякучивания» русского населения. Как следствие, русские, постоянно проживающие, например, в Бурятии, являются своеобразной, специфической конвексией (от лат. *convectiō* — «перенесение»), отличающейся от русских, адаптированных к проживанию, скажем, в Якутии или Туве.

Примером подобной ассимиляции являются калмаки — алтайские казахи, которые в 1990-е гг. переселились в Восточно-Казахстанскую область, а затем практически все вернулись обратно в Республику Алтай. Калмаки не смогли адаптироваться к жизни в среде материнского этноса, так как, с одной стороны, они сохранили архаические элементы казахской культуры, а с другой стороны, впитали некоторые элементы культур алтайских народов, неприемлемые для казахов (Клещев, 2008; Тадина, 2008).

Оценивая процессы межэтнической ассимиляции, можно сказать, что в Сибири наблюдается соревнование различных крупных этнокультурных миров — русского, якутского, бурятского и тувинского. Этнокультурный мир — это вид социокультурного мира, центрированный вокруг наиболее крупного этноса, который удерживает в сфере своего культурного влияния и интегрирует другие этносы. Так, якутский мир основывался на обычае якутов выбирать себе жен вне своего рода, или клана, а предпочтительно в других этносах. Благодаря данному обычаю якуты устойчиво ассимилируют автохтонное и пришлое население (Личков, 1904: 632). Русские, кроме механизма межэтнических браков, задействовали искусственное породнение в форме «братания».

Концепт этнокультурного мира представляет интерес и с той точки зрения, что каждый народ имеет этноспецифические миротворческие практики. Необходимо выявление и стимулирование этих практик с целью дальнейшего использования, что позволит успешнее разрешать межэтнические конфликты.

Как представляется, магистральным направлением этнонациональной политики в Сибири является консолидация, укрепление и развитие русского народа в его этнокультурном разнообразии. Развитие народа — это стихийно-эволюционный процесс, который совершается путем его интеграции, дифференциации и последующей реинтеграции. В современном мире преобладает тенденция к этнической фрагментации, возрождению локальных этничностей. С учетом этого, ближайшая перспектива развития русского населения Сибири видится в консолидации региональных сообществ — «земель» — в субэтнотипы русского народа, отличающиеся специфическим стереотипом поведения. Территориально обусловленная фрагментация русского населения сформирует его мозаичную этноструктуру, которая, с одной стороны, будет дифференцировать народ, а с другой стороны — интегрировать его на основе мозаичной комплементарности. Точками сборки, саморганизации и реинтеграции русского народа способны выступить объединяющие локусы культуры различного ранга (например, такие сакральные природные объекты как Байкал или Алтай).

Для коренных народов Сибири, находящихся в состоянии демографического роста, необходимым является сброс демографического напряжения. Демографическая разрядка стихийно осуществляется путем миграции, обеспечивающей восходящую социальную мобильность. Образовательная и трудовая миграция в крупные города Сибири, в Европейскую часть России и за рубеж усиливает влияние коренных народов, открывает новые возможности самоактуализации и создает диаспоральные возможности для успешной адаптации новых волн мигрантов. Поэтому необходимо поддерживать и стимулировать образовательную и трудовую миграцию за пределы регионов традиционного расселения, укреплять связи диаспор с исторической родиной.

В условиях продолжающегося национально-государственного строительства и укрепления национальной государственности ряда коренных народов Сибири объективно складываются условия для этносоциальной стратификации, политического доминирования одних этносоциальных общностей над другими. Такое доминирование является объектив-

ным следствием этнополитического отбора, реализующим магистраль развития, определяемую наиболее сильной этнокультурой. Но мультикультурализм региональных межэтнических сообществ сохраняет альтернативные пути этносоциальной эволюции, которые могут быть актуализированы при изменении вектора общественного развития. Поэтому субдоминантные этнокультуры нуждаются в позитивной дискриминации и селективной поддержке, которые обеспечат сохранение потенциала и точек роста.

В рамках кадровой политики необходимо поддерживать этнополитический баланс в органах власти и управления, соответствующий реальному этнодемографическому балансу в регионах. Ключевые должности должны занимать представители этнодемографического большинства, которые наряду с выполнением этносимволической функции должны нести морально-политическую ответственность за развитие региона и благополучие всего его населения.

В национально-административных образованиях, где представители титульного населения составляют этнодемографическое меньшинство, наряду с поддержанием этнополитического баланса необходима реализация неотрадиционалистских практик ритуально-символической репрезентации территориального верховенства в рамках реализации идеологии регионального патриотизма и формирования гражданского культа родной земли.

Список литературы:

Балганова, Э. (2014) Магомедов: в Сибири вероятность межнациональных конфликтов ниже, чем в среднем по России [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС. URL: <http://itar-tass.com/sibir-news/1122581> (дата обращения: 17.04.2014).

Винокурова, У. А. (2006) Проблемы этнокультурного развития Республики Саха (Якутия) // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск: Сибирское научное издательство. Вып. 7. С. 120–123.

Гиренок, Ф. (2008) Удовольствие мыслить иначе. М. : Академический проект.

Задачи органов власти регионов Сибири по реализации государственной национальной политики обсудили в Улан-Удэ (2014) [Электронный ресурс] // Сибирский федеральный округ. URL: <http://www.sibfo.ru/news/press-release.php?action=art&nart=8437> (дата обращения: 17.04.2014).

История Сибири (1965). Л. Т. 2.

Клещев, М. В. (2008) Кош-агачские казахи как социокультурный феномен // Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии. Новосибирск ; Семей : Научно-издательский центр Семипалатинского государственного университета им. Шакарима. Вып. 9. С. 268–275.

Ламажаа, Ч. К. (2009) Проблема архаизации общества // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 44–48.

Ламажаа, Ч. К. (2010) Архаика и архаизация общества в период социальных трансформаций (на примере Тувы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Т. 8. № 3. С. 92–97.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) : дис. ... д. филос. н. М.

Личков, Л. (1904) Якуты // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. ХLI. СПб. : Тип. акц. общества Брокгаузъ-Ефронъ. С. 631–634.

Мадюкова, С. А., Попков Ю. В. (2011) Феномен социокультурного неотрадиционализма (монография). СПб. : Алетейя.

Митупов, К. Б. (2003) Социально-экономическая ситуация и межнациональные отношения в Бурятии (1990-е гг.) // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск. Вып. 5. С. 143–147.

Монгуш, М. В. (2012) Тофалары и сойоты: историко-этнографический очерк [Электронный ресурс] // Новые исследований Тувы. № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_14/4831-mongush-mv.html (дата обращения: 17.04.2014).

Нимаев, Д. Д. (2007) Буряты на рубеже тысячелетий // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск: Сибирское научное издательство. Вып. 8. С. 156–160.

Октябрьская, И. В. (1997) Тюрки Алтая: Проблемы многонационального сообщества // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. С. 48–60.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2012) Понятие этнокультурного неотрадиционализма: к методологии анализа // Личность. Культура. Общество. Т. 14. Вып. 4. С. 187–193.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2013) Этнокультурный неотрадиционализм и социокультурный подход // Вестник НГУ. Серия: философия. Т. 11. Вып. 4. С. 44–49.

Санжиев, Г. Л., Будажапов, С. П. (2003) Государственность народов Сибири: от автономии к республике // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т. Вып. 5. С. 208–211.

Сидоренко, А. В. (2009) Этнический вызов российскому федерализму [Электронный ресурс] // ПОЛИТЭКС. № 1. URL: <http://www.politex.info/content/view/538/30> (дата обращения: 17.04.2014).

Сидоренко, А. В. (2010) Политическая власть в этнических регионах // Федерализм и этническое разнообразие в России. М.: Российская политическая энциклопедия. С. 94–111.

Сирина, А. А. (2011) Проблемы типологии и преемственности этнических культур эвенков и эвенов: конец XIX – начало XXI веков : автореф. дис. ... д-ра истор. н. М.

Тадина, Н. А. (2008) «Моя Родина — Калмакстан»: новый образ как результат взаимовлияния алтайцев и казахов Горного Алтая // Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии. Новосибирск ; Семей : Научно-издательский центр Семипалатинского государственного университета им. Шакарима. Вып. 9. С. 316–323.

Шерстова, Л. И. (2005) Новые этнические идентичности в Южной Сибири // Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения). Барнаул. С. 226–236.

Дата поступления: 10.08.2014 г.

ETHNOSOCIAL PROCESSES IN SIBERIA: MODERN REALITY AND ACTUAL ISSUES OF ETHNOSOCIAL POLICIES

Yu. V. Popkov, E. A. Tyugashev

Abstract: Article evaluates the dynamics in contemporary ethnosocial processes in Siberia as well as efficiency of national policies. Sociocultural approach helps in analyzing ethnodemographic, ethnolinguistic, ethnopolitical processes and prospect of vernacular development of certain indigenous peoples.

Keywords: Siberia, ethnosocial processes, national policies, indigenous people, ethnocultural world.